

ИСТРАЖИВАЊА И ИЗВОРИ

Ирина СМЕРНОВА*

ВСТУПЛЕНИЕ К ОТРЫВКУ ИЗ ДНЕВНИКА К.К. РОМАНОВА ЗА 1899 ГОД

*О, запылай и над равниной
Объединенная заря!
Славянство, слейся воедино,
Любовью братскою горя!*
”Черногория” 1899 г.

Великий князь Константин Константинович (внук Николая I, двоюродный дядя последнего российского Императора), второй сын Константина Николаевича и Александры Иосифовны (до замужества принцесса Саксонская) родился 10 августа 1858 года в Стрельне, под Петербургом, в родовом Константиновском Дворце, где прошло его детство и куда он стремился все годы своей жизни. Как писал его отец об этом важном событии в семье 19 августа 1858 г. ”Сегодня 10 день как родился Константин Константинович, маленький Костя - уже значительно вырос и пополнил, и необыкновенный красавчик”¹.

Триста орудийных выстрелов возвестили жителей северной столицы о его крещении. Все радовались и не случайно. Судьба у него удивительной. Его отец-великий князь, сын Николая Первого был генерал-адмиралом, управляющим русским флотом и морским ведомством и слыл либералом. Он содействовал появлению и изданию журнала ”Морской сборник”, выходившего в свет до 1917 года. В нем печатались Гончаров, Григорьевич, Писемский, Станюлевич и др. известные писатели. Таким образом, литературные пристрастия, увлечение отечественной литературой были predeterminedены с детства... В поэтическом мире он стал известен под аббревиатурой К. Р.

Он рано начал писать стихи и как поэт, по единодушному мне-

* Автор кандидат исторических наук. Академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Москва.

¹ ”1857-1861. Переписка Императора Александра II с Великим князем Константином Николаевичем. Дневник Константина Николаевича. М., Терра, 1994. С. 66.

нию современников, принадлежал к немногочисленной, но яркой плеяде, представляющей "старое течение, берущее начало от Пушкина": Тютчев, Фет, Майков, Полонский, Голенищев-Кутузов, Апухтин, Андреевский и др., которое свято хранило традиции классической поэзии.

Первое свое стихотворение он написал в 1879 г.:

Задремали волны,
Ясен неба свод;
Светит месяц полный
Над лазурью вод.

Серебрится море,
Трепетно горит...
Так и радость горе
Ярко озарит.

Стихотворение оптимистичное, как и вся последующая лирика царственного поэта.

Константин Романов был мужественным и отважным человеком. По традиции, издавна считавшейся главной в императорской семье, он стал кадровым военным, служил на флоте, был награжден боевыми наградами и орденами. Свою карьеру военного моряка он начинал на Балтийском море на корабле с громким названием "Громобой".

В 1874 г. его производят в гардемарины и он на винтовом фрегате "Светлана" отправился в дальнее и опасное плавание по Средиземноморью. В 1877 г., в возрасте девятнадцати лет, Великий Князь принимает участие в русско-турецкой войне в чине мичмана, и за героический поступок в период военных действий в составе отрядов судов атлантического океана под Силистрией был награжден высшим знаком военного отличия - орденом св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-ой степени. В реляции, описывающей дерзкий поджог вражеских судов, среди других героев, о Константине Романове было отмечено его "хладнокровие и распорядительность", а также "опытность".

По окончании войны он путешествовал по Италии, Греции, посетил Палестину, Алжир. В Афинах он написал свое первое знаменитое стихотворение "Я баловень судьбы" (оно вошло в первый его поэтический сборник, вышедший в 1886 г.), в котором признался, что в жизни хотел бы только одного-признанья и доверия "родного православного народа", не взирая на. Свое царственное происхождение. Стихотворение явилось своеобразным кредо поэта:

Я баловень судьбы... Уж с колыбели
Богатство, почести, высокий сан
К возвышенной меня манили цели, -
Рождением к величью я призван.
- Но что мне роскошь, золото, власть и сила?
Не та же ль беспристрастная могила
Поглотит весь мишурный этот блеск,
И все, что здесь лишь внешнестью нам льстило,
Исчезнет, как волны мгновенный всплеск...

В стихотворении он выражает уверенность в своем поэтическом призвании:

...Я буду петь немолчно, до конца,
И что во славу матушки России
Священный подвиг совершу певца.

Стихи начинающего поэта были замечены и по достоинству оценены крупнейшими поэтами А.Н.Мачковым, А.А.Фетом и И.А. Гончаровым, прославленным писателем.

Великий Князь, царственный поэт был горячим патриотом и многие его стихи обращены к Государю, воспевают отечество. Особый цикл составляют стихотворения, в которых он с любовью описывает свой полк, полковое знамя, солдат. С 1883 г. он вступает в обязанности командира роты в лейб-гвардии Измайловском полку и с этого времени создает литературно-поэтический кружок "Измайловские досуги". Отношения в полку были доверительными. Константина Романова офицеры порою приглашали на важные семейные события: на свадьбы, дни рождения и крестины.

Измайловские досуги - интересный и малоизученный штрих в военной деятельности КР, когда его артистическая, тонкая душа придумала новую увлекательную форму армейского досуга, когда наряду с армейскими обязанностями возникали поэтические отношения между офицерами. Эти вечера и в настоящее время являют своеобразный образец армейского литературного общества, когда вместе офицеры находились не только по долгу службы, но и с удовольствием служили Мельпомене. На эти собрания приглашались порою именитые поэты - А. Майков, Я. Полонский и др. Главным моментом был стихотворный конкурс, когда стихи армейскими офицерами писались на заранее заданную тему под краткими стихотворными девизами. Сам К.Р. как поэт, всегда принимал в них деятельное участие. Темы для стихотворных состязаний выбирались разнообразными, напр. на стихотворение, А. Пушкина - "Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв"... И. Тургенева - "Как хороши тогда, как свежи были розы".

Стихотворение К.Р. на эту тему звучало так:

Во дни надежды молодой,
Во дни безоблачной лазури
Нам незнакомы были бури,-
Беспечны были мы с тобой.

Для нас цветы благоухали,
Луна сияла только нам,
Лишь мне с тобою по ночам
Пел соловей свои печали.
- В те беззаботные года
Не знали мы житейской прозы:
Как хороши тогда,
Как свежи были розы!

То время минуло давно...
- Изведав беды и печали,
Мы много скорби повстречали;
Но унывать, мой друг, грешно:
Взгляни, как Божий мир прекрасен;
Небесный свод глубок и чист,
Наш сад так зелен и душист,
И теплый день и тих, и ясен
Пахнул в растворенную дверь;
В цветах росы сияют слезы...
Как хороши теперь,
Как свежи эти розы!

За все, что выстрадали мы,
Поверь, воздастся нам сторицей,
Дни пронесутся вереницей,
И после сумрачной зимы
Опять в расцветшие долины
Слетит счастливая весна;
Засветит кроткая луна;
Польется рокот соловьиный,
И отдохнем мы от труда,
Вернутся радости и грезы:
Как хороши тогда,
Как свежи были розы!

О популярности этих вечеров, об увлеченности и верности им царственного поэта говорит тот факт, что был отмечен 25-летний юбилей "Измайловских досугов"! К.Р. неизменно находил время для участия в них, хотя в 1891 г. он был произведен в полковники и становится командиром лейбгвардии Преображенского полка, в 1900 г становится главным начальником военно-учебных заведений России, в 1910 г.- генерал-инспектором военных учебных заведений государства. Таким образом, и в плане военной карьеры он принес большую пользу Отечеству!

Торжественный вечер, посвященный 25-летию "досугов", отмечался в ноябре 1909 года. На это торжественное событие К.Р. написал следующие торжественные строки:

Робко мы в храме огонь возжигали
С жертвой смиренной своей,
Но проникая туманные дали
Жречества будущих дней.

Лиру и меч мы сплетали цветами
И не гадали о том,
Как наш алтарь разгорится с годами
Светлым и жарким огнем.

Вам завещаем мы наше служенье;
Старым пора на покой,
Юное, полное сил поколенье
Пусть нас заменит собой.

О, да не гаснет наш пламень заветный,
Бережно вами храним!
Пусть он пылает отрадный, приветный,
Пусть озаряются им
Долго Досуги! Дверь храма родного
Двадцать пять лет отперта;
Нам ее отперли эти три слова:
Доблесть, добро, красота.

Но вернемся к первым вечерам. А. Фет сначала неодобрительно отнесся к проведению конкурсов на заданную тему, считая, что Муза (он любил так говорить) неподвластна указанию, но потом смирился с увлечением, причудой К.Р., сознавая необходимость такой практики для крепнущего поэта. На первоначальное утверждение А. Фета о том, что "свободное искусство не терпит никаких предварительных задач" (письмо от 8 февраля 1887 г.), Константин Константинович вступил в спор: "Я не могу не согласиться с вами, что свободное художество не должно ставить нас в узкие рамки и что заданное содержание лишает свободы в воспроизведении. Но наш кружок состоит исключительно из Измайловских офицеров; большинство их принадлежит к не посвященным в тайны искусства, и только немногие владеют пером. Вот мы и нашли, что для поощрения тех из них, которые не решились бы открыто выступить со своим произведением, не дурно бы задавать содержание, вызывая желающих присылать свои сочинения, безыменно, под девизами. Этим способом мы привлекли на наши пятницы большее число товарищей, посредством чего наши Досуги крепнут все более и все глубже запускают корни в полковую среду" (письмо Н 4 от 10 февраля 1887 г.). И действительно, из среды Досугов вышло несколько настоящих лирических поэтов. Например, А. Ротштейну за книгу "Сонеты" была присуждена Пушкинская премия.

Заветами К.Р. всегда являлись: доблесть, добро, красота.

В 1883 г. состоялась помолвка, а потом и бракосочетание Константина Романова с принцессою Саксен-Альтенбургской, герцогинею Саксонскою Елизаветою. У них было шесть сыновей: Иоанн, Олег, Игорь, Гавриил, Константин и Георгий и две дочери- Татяна и Вера.

Своей жене в 1884 г. он посвятил стихотворение:

О не дивись, мой друг, когда так строго
Я пред тобой молчаньем обуян:
На дне морском сокровищ много,
Но их не выдаст океан.

В душе загадочно моей есть тайны,
Которых не поведать языком,

И постигаются случайно
Они лишь сердцем, не умом.

О пусть духовный взор души моей,
Проникнет в глубину души моей,
И тайны все ее мгновенно
Легко ты разгадаешь в ней.

Так месяц глубь морскую пронизает
Снопом своих серебряных лучей
И безмятежно созерцает
На дне сокровища морей.

В 1884. г. за перевод Горация К.Р. получил Пушкинскую премию Академии Наук, в 1886 г. он был избран членом-корреспондентом. Он считал своим долгом петь "песни русские, родные". Последнее прижизненное издание его произведений составило три тома, среди которых была лирика, поэмы ("Мессинская невеста" Шиллера, "Гамлет" Шекспира, "Ифигении в Тавриде" Гете). Константин Романов (К.Р.) отличался исключительной набожностью: это было и наследственно. Его перу, кроме лирических стихотворений принадлежат произведения на библейскую тему: драматический отрывок "Возрожденный Манфред", поэма "Севастиан Мученик" и драма "Царь Иудейский". Последняя переведена на европейские языки и шла в европейских театрах.

Сильным является стихотворение о православной вере:

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.

Но если вслед за огорчением
Нам улыбнется счастье вновь,
Благодарим ли с умилением,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

Красное Село. 1899 г.

Важным событием для него, а прежде всего для России, было избрание его в 1889 г. Президентом Академии наук. На этом посту он прослужил трудом и правдою верно служа Отчизне бесценно более 15 лет.

Одним из первых его с этим избранием горячо поздравил А. Фет, отметивший, что едва ли на это место мог быть выдвинут человек более подходящий, чему он действительно очень рад.

А военная служба шла своим чередом. Царь не освободил его от армейской службы и Константин Романов нес большую нагрузку, никогда не ропща на судьбу. (Николай II высоко ценил военные заслуги К.Р., ведь он сам начинал в Преображенском полку комбатом в чине полковника свою военную службу непосредственно под руководством

Великого Князя! Интересный факт биографии последнего российского Императора!).

Константин Константинович на посту Президента Академии Наук стал инициатором создания "разряда изящной словесности" в честь А.С. Пушкина взамен упраздненной в 1841 году Российской Академии наук, членом которой был избран великий поэт... 8 января 1900 г. были проведены первые выборы "пушкинских" академиков. Выдающимися художниками слова стали гр. Л. Толстой, А. Потехин, А. Кони, А. Жемчужников, гр. А. Голенищев-Кутузов, В. Соловьев, А. Чехов, В. Короленко и сам Константин Романов, который произнес речь на заседании академиков в мраморном Дворце. "Во исполнение Высочайшей воли Государя Императора, столетие со дня рождения Пушкина ознаменовано учреждением разряда изящной словесности, составляющего одно нераздельное целое с отделением русского языка и словесности Императорской Академии Наук... Наш круг может и должен расти; но да будет этот рост постепенен и правилен, чтобы служить не в ущерб разряду изящной словесности, к изящному его укреплению. От души выражаю пожелание, чтобы доблестный круг наш расширился не по веянию партийного духа, а под веянием строгой и осмотрительной разборчивости, в силу уважения к нравственному облику избираемого и всегда согласно с чуткою художественною совестью. Недаром Пушкин от истинного художника требовал "взыскательности" и суд его над самим собой считал высшим судом".

Вплоть до самой смерти К.Р. неустанно принимал участие в отборе претендентов на получение Пушкинской премии, организовывал праздники глубоко им почитаемого А.С. Пушкина, был инициатором и создателем Пушкинского Дома, сам начал собирать первые экспонаты и архивные материалы для этой сокровищницы русской культуры.

Константин Романов, страстно увлеченный музыкой, был членом Императорского музыкального общества (сам был хорошим пианистом и выступал с сольными концертами), почетным попечителем педагогических курсов при петербургских женских гимназиях, активно участвовал в обществе любителей русской словесности при Московском Университете. Он также работал и в различных комиссиях по вопросам русской филологии, правописания, организовывал разные научные экспедиции, порою на свои личные сбережения. И всюду приносил пользу своей вдумчивой и благородной помощью.

Следует отметить, что он принимал участие в начавшейся войне 1914 года, а когда возвращался назад (после лечения в санатории) то при переходе границы, при обыске, у него отобрали чемодан с вещами, и, что было для него особенно тяжело, пропали его дневниковые записи. (Они до сих пор не найдены!) Если учесть, что он всю жизнь вел дневники тщательно и обстоятельно день за днем записывая самые важные события - это для него была невосполнимая утрата. Большим горем явилась и смерть сына Олега, который геройски погиб на фронте... К.Р. высоко ценил поэтический дар этого талантливой юноши. В 1915 году Великий Князь Константин Константинович умер (В период революци-

онных боев были сброшены живыми в шахту три его сына - офицеры, присягавшие Государю: Иоанн, Игорь и Константин. Вместе с ними погибли Елизавета Федоровна, сестра Императрицы и жена Великого Князя Сергея Александровича, а также Великий Князь Сергей Михайлович. Всего лишь сутки отделяли екатеринбургскую трагедию от убийства в Алапаевске, в шахте! Хорошо, что судьба оградила Великого Князя Константина Романова от этого еще одного тяжкого испытания!). Его пережила сестра Ольга - королева эллинов, как он любил говорить (умерла в 1926 г.). А ее внук, Филипп, в 1942 г. женился на троюродной племяннице - принцессе уэльской Елизавете, ставшей в 1952 г. английской королевой. Дочь К.Р. Татяна с 1952 г. была настоятельницей Елеонского монастыря в Палестине. В настоящее время еще жива его младшая дочь Вера (родилась в 1915 г.), находящаяся с революционных дней в Америке, высоко чтящая память отца и братьев.

Вернемся в 1899 год, полный важных исторических событий, когда страна, ее государственные мужи готовились, в частности, к 100-летнему юбилею А.С. Пушкина.

К. Романов много сил и времени отдал подготовке к проведению этого праздника, выпуску юбилейных сочинений поэта, чеканке монет, тиражированию бюстов поэта, картин с его изображением и т.д. В дни праздника к нему обращались люди и приносили автографы А. Пушкина, его собственноручные записи, отрывки произведений и т.д. К.Р. все бережно собирал и сохранил. Он приложил массу усилий в увековечивании памяти А.С. Пушкина, которого горячо любил. Позднее, также пышно и под его председательством прошел юбилейный вечер памяти Н.В. Гоголя. К сожалению, после его смерти эта замечательная традиция на долгие годы оборвалась.

В 1899 году отмечался 10-летний юбилей его пребывания на посту Президента Академии Наук. Как он скромно замечает, судя по многочисленным высказываниям и отзывам, за это время многое успел сделать.

В этот год, такой, такой богатый на события, Император доверил ему важную миссию - быть представителем России на свадьбе наследника черногорского Великого Князя и вручить ценные подарки новобрачным. Как радовался Константин Константинович, и не скрывал своих искренних чувств, когда его глазам открылась эта замечательная земля: "Вот и Цетинье. Маленькие, скромные каменные строения, но мне все нравится, все по сердцу, всех бы обнял, всем бы закричал, что мы родные братья!"

Эти интересные сведения содержатся в Дневнике, который хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 660. Оп. 1. Д. 46). Дневник неопубликован, готовится к печати.

Он представляет собою толстую тетрадь в добротном кожаном переплете с тиснением на замочке. Листы пронумерованы самим К.Р. Почерк разборчивый, аккуратные буквы. Записи относятся к каждому дню пунктуально. В Дневнике есть списки некоторых стихотворений поэта, написанных в этот год. Между страницами находятся поздрав-

тельные открытки членов Августейшего семейства и программы, перечень актеров, задействованных в домашних спектаклях, прежде всего в трагедии "Царь Иудейский" и "Гамлете". О том, как работал Августейший поэт, можно составить впечатление по этой трагедии Шекспира, перевод которой считается одним из самых удачных. (Он вышел в трех томах: первый - непосредственно перевод произведения, второй - ряд статей, в том числе "О костюме Гамлета", "Гамлет в музыке" и ряд др., а третий том составила библиография. Этот указатель заканчивается на цифре 900!

Как он справедливо писал, глубоко, философски и требовательно относясь к жизни:

Любя, надеясь, кротко и смиренно
Свершай, о, друг! Ты этот путь земной
И веруй, что всегда и неизменно
Христос с тобой...

Святая Русь, народ, милый сельский пейзаж с церквями и благовестом - все сливалось у него в одно целое - патриотизм. Не случайно, на его стихотворения писали музыку известные композиторы и прежде всего П.И. Чайковский, создавший целый цикл ("Растворил я окно". "Первое свидание". "Уж гасли в комнатах огни" и ряд др.), а также А.К. Глазунов, С.В. Рахманинов. Были положены на музыку следующие произведения: "Повеяло черемухой" (Н. Галкин); "Баркаролла", "Летом" и др. (Ю. Блейхман); "Письмо", "О, нет! За красоту". (К. фон Бах); "Колокола", "Ни звезд, ни луны" (А. Таскин) и ряд других. Многие из перечисленных романсов исполняются и в настоящее время. Романсы на стихотворения К.Р. пишет Г. Алексахин, которого называют "русский Бетховен". Его поэзия полна надежд на духовное возрождение и потому звучна и нашим дням!

Не случайно поэт Ильинский, в стихотворении, посвященном его памяти, отмечал необыкновенную простоту К.Р. как человека, как Августейшего Князя:

Лишними здесь почему
Кажутся пышность и громы?
Были иные знакомы
Чудные звуки ему.

Музы его колыбель
Нежной рукою качали,
Понял он в песнях печали
Жизни высокую цель.

В сердце жила благодать,
Било ключом вдохновенье;
Князю дало Провиденье,
Редкой судьбой сочетать!

С блеском алмазным венца,
С славою царской порфиры,
Отзвуки нежные лиры,
Тихую славу певца.

Справедливость этих строк чувствуешь, когда читаешь еще неопубликованные страницы Дневника за 1899 год о посещении славянских, таких близких его сердцу черногорских земель!

* мать К.Р. - Александра Иосифовна (1830-1911) - Великая Княгиня, урожденная герцогиня Александра-Фредерика, дочь герцога Саксен-Альтенбургского Иосифа. В 1848 г. вышла замуж за Великого Князя Константина Николаевича.

(Далее в Дневнике без указаний на число и немного другими чернилами и несколько измененным почерком):

Цетинье, дом Князя Мирко. 9 июля. 11 S вечера. Описывать путь от Петербурга до столицы Черногории и скучно, и долго, и не любопытно; оно так бледно и незначительно в сравнении с сегодняшними впечатлениями. Ограничусь общими чертами.

Понедельник

В день отъезда был у меня довольно неприятный разговор с Мама: ей не по сердцу моя посылка в Черногорию. Сказывается столкновение германского духа со славянским. Заезжали с женой к Милице, видели там и Стану. Они окончательно порешили не ехать в Черногорию из-за похорон Цесаревича и отпустили меня на свою родину со стесненным сердцем. Вечером Мама и жена проводили меня до стрельнинской станции. На Московском вокзале провожали меня Коростовец, Порецкий и Оболенский; первый будет считаться в отпуску впредь до перечисления в запас, а второй вступает во временное командование полком. Кира Нарышкин был уже в статском; он да Фокин (Спиридоныч), вот мои спутники.

Вторник.

В дороге все читал о Черногории, все знакомился с этой необыкновенной, своеобразной, особенно привлекательной страной. - Вечером в Варшаве три часа в нашем распоряжении. Катались по Краковскому предместью и Новому Свету, ужинали в гостинице Брюлова. Все жарко.

Среда

Утром облёкся в статское. Очень кстати от прежних путешествий осталось черное платье, так что я был одет вполне согласно с требованиями траура. Границу проехали, когда я еще спал. Здесь не так скучно по ту сторону пограничной черты: на всех станциях рядом с немецкими есть и славянская надписи. - В Вене посол гр. Капнист и все посольство в мундирах. Посол предложил обед у Захара, условились встретиться там через три часа. Тем временем ездили с Кирой по городу, за-

ходили в собор св. Стефана и в прекрасную, только что освященную русскую церковь. После обеда с послом и служащими в посольстве на Sud-Bahn и дальше в Полу.

Четверг

8

Утром пересадка в Диваче в Истрии. Тоже везде славянские надписи. С нами от Петербурга едут княжна Карагеоргиевич Елена (Ябе) и m-lle Neukott, свой человек в Черногорском семействе; она там уже 35 лет. Прекрасные виды в гористой Истрии. Во 2-м часу в Поле (Pola, австрийской гавани). В 2 пришел из Триеста пароход Graf Wurmbrand; на нем прибыли и поплыли с нами далее дочь Черногорского князя Анна с мужем принцем Баттенбергом и князь Петр Карагеоргиевич (покойная его жена умерла в 1890 г. - была дочь князя Николая) с прелестными двумя сыновьями Георгием и Александром 11-ти и 10-ти лет. Сперва это общество не показалось мне приятным - у меня голова побаливала - но мы скоро перезнакомились и сошлись, особенно в Анной, которую я знал еще девочкой, и с шалунами - мальчиками. Жара, даже и на пароходе. Море, как зеркало, ни облачка на небе. Все время наверху, сложа руки, веселые разговоры, смех, шутки. Пароход довольно гаденький, хотя лучший из всех здешних австрийского Ллойда. Заходили в Зару (славянский Задар) и поздно ночью в Спалато (Сплет). Но что за ночь-волшебство! Тишина, светлый месяц, звезды. Далматинский берег очень живописен. Если б только не владычество Австрии!

Пятница

Утром пароход заходил в Рагузу (Дубровник). Что за дивное утро! Что за чудесные виды на прибрежные горы и скалы! Сейчас же от восхищения стихи завертелись в голове. - Не доходя Бокки Которской (Котор) около полудня переделся в китель В Которе австрийские власти и их же почетный караул. А какой вид! Голубое как сапфир море отовсюду замкнутое высочайшими горами, а в глубине залива, высоко и далеко - Черногория, там под облаками. Обидно вспомнить, что *наш* импер(атор) Александр Первый письмом Владыке Петру II принудил его отдать Котор Австрии!!! - Австрийцы портили мне впечатление, если только можно было его испортить: оно было так необыкновенно, так величественно. - Прошел вдоль караула, отделался от австрийского начальства любезными фразами и - поскорее с Нарышкиным в коляску. На козлах два черногорца в их живописной одежде. Кучер в красном, расшитый золотом на спине, а рядом с ним "перианик"- один из 60 телохранителей князя, в малиновом сукне с черными на спине шнурами. И так эти черногорцы честно смотрят прямо в глаза, так приветливо улыбаются. Я вздохнул свободно, оставив за собою австрийцев. Перед нами отвесная высочайшая стена; дорога каким то чудом лепится по ней, извиваясь змейкой. Скоро нас нагнали Баттенберги и я пересел к ней в коляску, а Кира поехал с ее мужем. Все выше и выше! Которский залив все дальше и глубже в бездне под ногами. Вот попадаются черногорцы -

рабочие; Анна меня научила, я крикнул им "Пом'агай Бог! - и один из них молодой, с милым открытым лицом, так весело закричал мне в ответ: "Добра ви встреча!"

Все выше и выше! Вот, мы на вершине, внизу которский залив кажется уже только малым бирюзовым озером. Мы на границе. Меня встречает Мирко, второй сын князя, молодец, 20-летний красавец, с прелестным, каким-то "соколиным" лицом. Мы знакомы с 96-го года, оба сочувствуем друг другу. Расцеловались с ним наш поверенный в делах К.А. Губастов, его чиновник С.А. Лермонтов, воспитатель Мирка, русский полковник Сумароков, и два молодца черногорца, назначенные при мне состоять. В Негунсе маленький дом князя Николая, где он родился. Тут приготовлена закуска. Балитенберги едут вперед. Я одеваю в парадную Преображенскую форму - едем с Мрком дальше; справа дорога еще подымается в гору, моря уже не видать, оно заслонено горами, через которые мы успели перевалить. Из-за скал надвигается черная туча; разражается гроза. Мы подымаем верх коляски. Дождь освежает воздух. Мы на высоте Земмеринга. Вот дорога начинает постепенно спускаться, все изгибами и извилинами. Видна равнина Цетинья. Дождь проходит. Весело, сердечно, откровенно болтаем.

Вот и Цетинье. Маленькие, скромные каменные строения; но мне все нравится, все по сердцу; всех бы обнял, всем бы закричал, что мы родные братья! Раздаются пушечные выстрелы, звонят в колокола. Я уже завидел у дверей дворца князя Николая. Выпрытываю, обнимаю с ним, передаю ему Царский поклон. Он ведет меня мимо почетного караула... Я кричу им: "Помагай ви Бог, юнаци!" Наверху на балконе княгиня Милена; снимаю перед нею шапку. Идем с князем в монастырь, где рака владыки Петра I. Митрополит встречается с крестом и св(ятою) водою и служит краткий молебен. Возвращаемся во дворец ко княгине Милене. Чувствую себя совсем как дома, в семейном кругу. Меня ведут ко мне, через улицу, напротив дворца, в доме Мирка. Маленькие, уютные комнаты. - В 8 обед во дворце. Просто, незатейливо, радушно. Гуляем в лунную ночь с князем по саду. Пьем чай у княгини - и вот я у себя.

Суббота,
10 июля

Цетинье. 11-го. Я здесь утопаю в блаженстве: чудный по красоте, солнцем прогретый край; глаз не видит темных, опошленных сторон гражданского развития. Нет западной плоскости культуры. Народ наш родной, православный, слышна речь близкая к родной, своя одежда, живописная, красивая еще не заменена европейской. Все мало, но есть какая-то благородная простота и достоинство. Видел казармы на два батальона пехоты с артиллерией. Чистота поразительная.

Видели Зетский дом с читальней и театром и женский институт; дети на лето распущены; маленькая церковь. Начальница г-жа Мертваго в отсутствии, нас приняли ее помощница, русская, питомица моих курсов, но выпущенная задолго до меня. Да, на дворе казармы видели

прохождение церемониальным маршем под музыку; впереди Мирко на арабском коне. Потом все выстроились, музыка ударила "Боже Царя храни", люди кричали: "живье!"- На горе, где могила владыки Данила, любовался видом на всю крохотную столицу. Где я живу - три окна по фасаду: одно в кабинете, другое в гостиной, третье в спальне; первая и третья из этих комнат - угловые и имеют еще по боковому окну. Из спальни я переговариваюсь в боковое окно с Мирко, который живет с соседнем доме, через переулочек и его окно против моего. Дом в два жилья, крохотный, точно на сцене. - Был у симпатичного митрополита владыки Митрофана, который будучи еще игуменом, геройски защищал от турок монастырь на Мораче и имеет Георгиевский крест. Дивной лунной ночью гулял пешком с Мирком. Ему хочется послужить в строю в России. Если бы у нас в полку.

Воскресенье

11 июля

Цетинье, вечером 11-го вчера. Утром позанялся, принял турецкого чрезвычайного посла. В 11-м часу вся семья собралась во дворце наверху и пошли в малую церковь, у самого дворца, выстроенную нынешним князем на месте, где прежде стоял монастырь Иван Бела Черноевича и где покоится его прах. Вел княгиню под руку. В литургии мало отступлений от нашего: в начале поет один причетник, тонким, но приятным голосом; евангелие читалось священником - (дикона не было) - лицом к народу. Далее поет весь хор, нестройно, но очень громко. Верую, Достойно и Отче наш читает причетник; мне сказывали, что обыкновенно эти молитвы читает сам князь. Поминаются князь, Княгиня и их сыновья, но не дочери, и наш Государь с Императрицами и Наследником.

Днем после отдыха посвистал наш полковой марш, в окне дома напротив появился Мирко и мы поговорили, сидя каждый у своего окна. - Был у турецкого посла. В саду у княгини чай с дипломатическими дамами. Катались с князем, заходили в парадную читальню в Баицах: чисто, просто, скромно.

После обеда разошлись рано: завтра в 4 утра еду с Мирком в Бар (Антивари) навстречу невесты.

Понедельник

12 июля. Антивари. 13 июля утром после купания в Адриатическом море. - В ночь на вчера, в Цетине спал меньше двух часов - не спалось, сочинял стихи Черногории, но не удачно и записал только один куплет в 4 строки.

Книжка была уже уложена; в нее не попал и предыдущий плод творчества, сонет Ночи, который я сочинил 4 июля в Стрельне, а книжка оставалась в Красном и привезли ее только к самому отъезду из России. Вчера надо было встать в 3 утра, а в 4, когда только рассвело, мы тронулись в путь в Антивари. Я ехал с князем впереди, за нами Мирко, Нарышкин, Губастов, состоящий при мне черногорец Джакович (рослый и плотный, учившийся, долго проживший в России и прекрасно

говорящий по-русски) и другие лица черногорской свиты. Ехали на Цеклине и Реку. Все мне говорили о каменистой, бесплодной почве Черногории и я представлял себе голую скалистую местность, в роде дороги от Иерусалима в Иерихон, где ни одной травки не найти. Здесь не то: правда, тени мало, густых лесов и больших деревьев не видно, но зелень везде, где только между камнями есть несколько земли; и эта зелень в старых камнях придает черногорским скалам особый, своеобразный, мягко серый цвет и необыкновенную прелесть. Всюду виднеются среди голых камней полевые цветы самых разнообразных оттенков и видов. Как было хорошо, когда взошедшее солнце озарило эти горы. Дорога постепенно спускалась к Реке Чарноевича. Здесь произносят Риека на распев и немного внос, растягивая слоги. В Реке у князя дачный дом, княгиня особенно любит здесь жить. Благодаря влаге здесь растительность много обильнее. Сели на пароход и поплыли по Реке в Скадарское озеро (Скутарийское). Удивительно живописны и сама Река и озеро с его прелестными островами; на одном из них был старинный Вранинский монастырь, на другом - Кома, жилище Стефана Чарноевича и его могила. Князь сопровождал нас до Вир-базара, где мы расстались с пароходом; далее я поехал уже с милым Мирком. Дорога все красивее и величественнее. Нам встретился и вылез из своего экипажа ехавший на свадебные торжества католический епископ из Антивари с тамошним муфтием. Перевалили через Суторман и вскоре увидели далеко внизу Антиварийский залив, голубое Адриатическое море. Кстати, Мирко знает мои стихи и верно подметил, что у меня часто встречается слово "голубой", которое ему нравится и не существует в сербском языке.

Прибыли в Антивари, или вернее Тополицу (первое название принадлежит городу с портом, а второе местечко на пустынном берегу моря, где находится небольшой дворец князя и прилегающие к нему здания). Здесь встретил меня Дано, наследный черногорский князь. Я обошел почетный караул, Дано представил мне свиту и мы сели завтракать. Отдохнув, мы с Дано часу в пятом, отправились на стоявший в заливе небольшой паровой яхте - подарок султана князю - вдоль по направлению. У Дульциньо. (Ульцин). Сильная жара, но на яхте продувало и было чудно хорошо. Море как зеркало. Вид на прибрежные горы и скалы бесподобный. Дульциньо небольшой город удивительно живописно лепящийся по скалам, огибающим небольшой залив; население тут отчасти мусульманское, отчасти католическое и православное. Видны и церкви, и монастыри. Здесь мы с Дано сели в шлюпку, подъехали к скале, на которой расположен его домик, и тут с каменистого берега купались. Возвращаясь на яхте в Антивари, обедали на палубе. Уже стемнело и взошла луна. - У себя в комнате я ночью маленькое стихотворение, но не то, над которым думал прошлую ночь, а неожиданное, про ночь над заливом.

Вторник

Антивари. 14 июля. День ангела нашего Гаврилушки начался тем, что прямо из кровати, завернувшись в мохнатую простыню и надев туфли, я отправился к пристани против дворца и купался в море. Дано и

Мирко нашли, что я хорошо плаваю. Жара еще сильнее. Постепенно расхотелся южный ветер и разводило волнения. Дано и Мирко возили меня в старый город, разгромленный черногорскими пушками и отнятый у турок в 1877 г. Подобно Севастополю он поныне стоит в развалинах, заросших виноградом и плющом; но несмотря на это жители в нем есть, по большей части мусульмане; улица между жилыми домами круто поднимается в гору и вымощена большими камнями, настолько наглаженными ходьбой, что ноги скользят по ним как по льду. В старой католической церкви теперь склад оружия. Есть заброшенная церковь византийских времен с остратками хорошей стенной живописи. Были и в новой церкви, где сегодня Ютта присоединится к православию.- В 8-м часу вечера, когда в море показался пароход австрийского Ллойда, Graf Wuzmbrand, привезший из Триекта невесту с ее матерью и братом, мы в парадной форме перебрались на яхту и пошли настречу. Уже темнело, как только сблизились, с нашей яхты стали палить из пушек. По первому выстрелу вершины и склоны огромных прибрежных гор мгновенно загорелись тысячами огней, порт тоже салютовал, полетели ракеты. Никакие слова не опишут красоты этой картины. Дано видимо волновался: он с невестой обожают друг друга. Я и Мирко перебрались с ним в шлюпке на Вурмбрант. Бедную Ютту и ее мать с 2 часов жестоко укачало и качка прекратилась только при входе в залив: оне не могли принарядиться и потому Ютта была не в черногорском платье, как предполагалось, а ее брат 18-летний Франц и свита тоже были в статском. Сейчас же съехали на берег. Жара и ночью; невеста очень страдала от жары; жених подарил ей богатый веер с бриллиантами. Мы вскоре оставили их а в покое и разошлись по домам.

Я еще читал и писал, а в 12-м часу купался в море.

....

Цетинье. 16 С утра 14-ого прямо из кровати купался в море: развело зыбь и образовался порядочный прибой. Из Бари пришли принц и принцесса неаполитанские; она, Елена (Эко), дочь князя Черногорского, воспитывалась в России. - В 9 утра было назначено присоединение к православию принцессы Ютты. Мать и брат не желали при этом присутствовать, и мне было предложено отвезти невесту в Антиварийскую церковь. Ютта была очень хороша в черногорском наряде. Дорогой в церковь, в коляске, разговор у нас клеился не слишком; она спросила меня придется ли еч отречься от лютеранской веры. Я ответил, что ее присоединение состоит по тому же обряду, по которому наше вероисповедание приняла императрица Александра Федоровна, и прибавил, что оба наши вероучения христианские, и что лютеранам ни от чего отречься не надо, а надо только принять ко всему существующему еще кто-что новове. - Обряд совершен митрополитом Митрофаном по середине обедни, которую начали задолго до нашего приезда. Символ веры Ютта прочитала сама по книжке, в которой он был написан немецкими буквами. Ей нарекли имя Милицы. После обряда обедня продолжалась, жених и невеста оба причастились. Потом я новообращенную привез домой. День был сво-

бодный, я больше сидел дома, читал и писал.

Я расспрашивал нашего посланника Губастова о здешних делах и слышал от него многое такое, что разочаровало меня. Он видит не мало темных сторон в Черногории: беспорядочность финансов, не всегда точное исполнение требований князя, которые в свою очередь, бывают часто противоречивы и непоследовательны. Сыновей князя Губастов считает избалованными, плохо воспитанными, пустыми, ленивыми. Даниил будто бы не любим в стране, невнимателен, даже резок и груб, оттирает от отца его главных советчиков и способных людей, стараясь получить над ним преобладающее влияние, окружает себя ничтожными людьми, с которыми забавляется пустыми разговорами. Мирко, по мнению Губастова, лучше старшего брата, но мало способен и пустоват, ничего не читает. Мне было больно слышать это: я видел здесь все в розовом свете и не замечал темных сторон; все же мне кажется, что Губастов преувеличивает эти темные стороны.

Четверг.....

Улеглись спать пораньше - надо было выезжать в Цетинье в 3 утра. Спал очень мало, часа два, в 2 ночи встал и выкупался в море. Наконец, в 3, когда еще не рассвело, выехали целым караваном экипажей. В 17 меня посадили к большому моему удовольствию с Мирком. На вершине Сутормана остановка - и завтрак в беседке, сооруженной из живой зелени.

Во всех деревнях жители встречали жениха и невесту с цветами и с графинами воды, водки или вина, которые вместо пробки накрыты апельсинами.

На параходе "Данице" (имя героини драмы князя "Балканская царица") посреди скадарского озера переоделись в парадную форму. В Реке пересели в экипажи по новому: спереди всех три родственника князя - Петровичи Шако, Марко и Джуро; потом я с Джаковичем и перед самой столицей ко мне сел еще двоюродный брат князя Божо Петрович, министр вн(утренних) дел. За нами ехали мать и брат невесты, потом четыре офицера верхом, невеста с Неаполитанским и Мирком, опять четыре всадника и остальные. Цетинье стало неузнаваемо: со всей страны собралось множество народа, везде флаги, цветы, зелень, по улицам войска шпалерами, выстрелы из пушек, колокольный звон, крики "живио!" Зрелище и красивое, и торжественное, и трогательное. После завтрака у князя отдых. В 3 S стали собираться во дворец. Ждали очень долго. Отправился с князем и Мирком в дом Дано, где остановились невеста с матерью. Когда невеста, наконец, была готова и появилась в великолепном подвенечном платье, я передал ей царский подарок - бриллиантовое ожерелье и повел усаживать ее в коляску с матерью и князем. Шествие в монастырь тронулось только в 6 часу. Мы еле - еле уместились в крохотной цекрви. Мне пришлось менять кольца молодым, а когда трижды обходили вокруг аналая (так в тексте-И.С.), идти за ними, держа их свечи. - Большой обед у князя без молодых, а вечером иллюминация и чудный фейерверк.

Пятница

Цетинье. 17-го Удивительный народ эти черногорцы: я уже говорил, что к свадебным празднествам со всех краев страны сюда пришли толпы народа и живут в шатрах и палатках по всей равнине вокруг столицы. Полиции никакой, а беспорядка не заметно. Пьяного я ни одного не видал: их здесь не бывает.

Вчера утром молодых поздравляли и гости - мы и здешние власти и различные представители и депутации. Потом - завтрак у князя - все в парадной форме. Днем отдых. Часов в 5 пришел греческий Ники, я, кажется, еще не записал, что он сюда прислан на свадьбу своим отцом. Мы с ним встретились, когда я вернулся в Цетинье из Антиварии и вместе отправляемся завтра в Россию. Был с князем на плацу перед казармами, где был устроен бег вразнос: добежавши первым получал револьвер. Некоторые солдаты упражнялись в бросании камней. - Большой обед с дипломатами у князя.

Вечером князь, Ники, Баттенберг, Мирко сидели у меня до полуночи. На улице по моими окнами большая толпа народа. Князь выходил на мой балкон и разговаривал со всей этой толпой, а они ему отвечали. Прелесть эта беседа с народом.

Суббота

17

Цетинье. 18-го в день отъезда. Давно мне не случалось за границей не радоваться возвращению в Россию. Здесь, в родной Черногории, я чувствовал себя не за границей, а как бы дома. Очень мне жаль, что сербский язык мне неизвестен. Просил здесь достать мне Библию в сербском переводе (ветхий завет - Даничича, а новый - Караджича) и читаю евангелие; кое - как справляюсь и понимаю, но говорить не могу - по случаю 20 дня со смерти Цесаревича просил вчера отслужить в монастыре панихиду; к ней пришли вся семья, гости и дипломатический корпус. - День довольно свободный. Обед у молодых, вечер у князя.

Воскресенье

18

На греческом военном судне "Крит" в Адриатическом море между Каттаро и Фиума 19 июля. - Последний день в Цетинье прошел суетливо. Надо было распределить подарки; я постарался быть как можно щедрее. Были у обедни в маленькой церкви Иван Бела. Князь сам читал Верую и молитву Господню. После завтрака началось томление, неизбежное при расставании. Ходили с Ники в дом наследника прощаться с великой герцогиней. Она слывет очень не умной и не вяжется с Черногорией; эти немецкие принцессы с узеньким мирозерцанием и придворной церемонностью здесь не на месте. - Новобрачная настояла на том, чтобы к самому началу обедни придти в церковь, хотя и муж и уговаривал не утомляться. Это делает ей честь.

Прощаться с черногорским семейством было очень жалко. Провожали меня как родного. Был и почетный караул. Мирко и Божо

Петрович провожали нас. Мирко ехал со мной. В Негусте остановка и угощение. Как было приятнее ехать этой дорогой в Цетинье, чем обратно! Поразительный вид на Которский залив сверху. Вот и граница. Тут мы расстались с черногорцами. Далее я поехал с Ники. Спустились с Кашшаро, когда уже совсем стемнело. На австрийском военном пароходике добрались до "Крита", стоявшего у входа в залив, в Мелине, так как военные суда не смеют входить в глубь Которской бухты. Здесь оказалось, что хода до Фиуме будет не 10, а 28 часов и мы не попадем на следующий вечерний поезд в Вену и, следовательно, завтра еще не будем в Гмундене, как я дал туда знать

.....

Стрельна. Утром в воскресенье 25 июля, на другой день по возвращении из Черногории.

Понедельник

19 июля.

Ночи на 19 и 20 июля были проведены на греческой военной канонерской лодке "Крит" в Адриатическом море, между Каттаро и Фиуме. Море было как зеркало ни облачка на небе, жара. Весь день на верхней палубе, там же пили и утренний кофе и завтракали, и отдыхали лежа на каютном люке на юте под тентом, полураздетые как в комнате, и обедали, и провели весь вечер. С Ники очень хорошо и не чувствуешь ни тени стеснения, он и умен, и образован, обладает очень развитым художественным вкусом, а главное, у него большой такт и *beaucoup de delicatouse de entiment* (деликатности-фр.). С нами были Нарышкин, греческий придворный Мишенка Панаригопуло, хорошо говорящий порусски и греческий консул в Цетинье Могоостис, возвращающийся на "Крите" в Грецию. С удовольствием читал сборник Гербеля "Поэзия славян" (Птб. 1871). Так было мне обидно, что кроме чисто лирического стихотворения о ночи на море, которое могло бы принадлежать столько же Антивари, как и любому прибрежному месту, у меня не было сочинено стихов на Черногорию.

Вторник

20

Пришли в Фиуме рано утром. Весь день до 9 вечера провели в вагоне до Вены. Любовались Земмерингом. Жара. Пыль. В Вене остановились на ночь в *hotel Sacher*.

Среда

Стрельна. 26 июля. - Из Вены мы с Ники и Нарышкиным 21-го числа отправились в Гмунден к тете Мари Гановерской. Жара, пыль. У нас был очень удобный вагон. Я чувствовал себя в ударе; начал придумывать продолжение строфы о Черногории, сочиненной еще в Цетинье в ночь на 12-е и вдруг пошло, мне казалось, что стихи выходили особенно удачные, они так и лились у меня, как будто не я их сочинял, а кто то

невидмый мне их подсказывал. На станции Велыч свиделся с моей племянницей Эльзой и ее мужем Альбрехтом; она в скором времени ожидает уже второго прибавления семейства. Он проезжал со мною одну станцию. В Глундене нас встретили Мари Гановерская и Эрнест Кумберландский с старшим сыном Георгием-Вильгельмом, кот(орый) каким то чудом остался жив после того, как у него вырезали колено; теперь его больная нога представляет собою одну сплошную кость и не сгибается, что, однако, не мешает ему ходить, бегать, ездить верхом и на велосипеде, и плавать. Ангел тетя Мари такая прелесть! Я в первый раз увидал ее после того, как у ней на 80-м году вырезали левый глаз и вставили стеклянный; нет возможности отличить искусственный от живого.

Там гостил король датский с братом Гансом, а также прелестная эрцгерцогиня Елизавета, дочь Перханіе, ей нет еще 16-ти. Она обворожительна и Ники очень ею залюбовался. Кажется хотят ее выдать за Роберта Виртембургскаго, но он ей не нравится, а Ники, по-видимому, приглянулся.

Четверг

22

- Уехали обратно в Вену в 10 вечера и ехали до 6 утра. И спал, о сочинял. В Вене отдохнули. Был с Кирой у обедни. Чудесно идет служба в новой церкви. Позавтракали и в 12 выехали в Петербург. Весь день сочинял. Перед границей в 9-м часу переделался в форму. Конец стихотворения был готов - я начал с середины- и присоединил к началу.

Пятница

23

Утром стихотворение было готово. - 80 строк!! Прочитал его Нарышкину, который остался им в полной мере доволен. - Весь день жара и пыль.

Добавим, что стихотворение понравилось и Государю! Вот эти замечательные строки, обращенные к славянской стране:

Черногория

Посвящается Князю Николаю

О, Черногория! Чьи взоры
 Не очаруют, не пленят
 Твои заоблачные горы
 И бездны пропастей? Чей взгляд
 Не залюбуется красою
 Сынов воинственных твоих,
 Лиц, загорелых прямою
 И одеяньем дней былых?
 Вы, откровенные улыбки
 И чернота правдивых глаз,

И стан останистый и гибкий,
Кто не засмотрится на вас?
Какая стройность, что за плечи!
Как поступь гордая легка!

Как русский слух ласкают речи
Полуродного языка!
О, Черногория! Невольно
Благоговеешь пред тобой,
И средцу сладостно и больно
С твоей знакомиться судьбой.
Со дня, как средь Коссова поля
В честном бою схоронена
Славян утраченная воля,
Три целых века ты одна
Блюла на изумленье света
Свободу родины своей;
Противу полчищ Магомета
Держалась горсть богатырей.
Дождь и Калиф забыли споры;
Сковав кольцо несметных сил,
Они твои сдавили горы;
Тебе конец уж приходил.
Венецианский Лев лукавый
Занес уж лапу над тобой,
Тебе готовил пир кровавый
Стамбул, увенчанный луной,
Но мощною тебя десницей
Великий Петр оборонил
И царственною багрянницей
От злых насильников прикрыл.
Шли годы... Как в былое время
За волю билосся с Чалмой
Юнаков доблестное племя...
И пал над бездною морской
Крылатый Лев святого Марка.
Уж твой, казалось, к морю путь
И свежесть волн лазури яркой
Вдохнет израненная грудь.
В ту пору чуждые народы
Русь избавляла от цепей,
Мы блага мира и свободы
Мы расточали все щедрей;
И только братья соплеменной
Елиноверная страна
Державе алчной и надменной
В угоду нами ж отдана...

Где кровь твоя лилась ручьями,
В сердца твоих прибрежных сел
Вцепился жадными когтями
Двуглавый Австрии Орел...

.....
Но близок день освобожденья:
Сознав грехи былых годов,
Их промахи, их заблужденья,
Мы сбросим гнет твоих оков.
Недаром с высоты Престола
Был голос Белого Царя
И грому вещего глагола
Внимали суша и моря.
Недаром голос Государя
Вещал грядущему в завет.
Что черногорцев Господаря
У нас вернее друга нет.
Свети же нам во мрак сознанья
Все ярче царственный глагол.
Лишь на вершинах гор сиянье,
Еще во тьме глубокий дол.
О, запылай и над равниной
Объединенная заря!
Славянство, слейся воедино,
Любовью братскою горя!

Цетинье-Петербург
23 июля 1899 г.